

**Н. М. КАРАМЗИН И Н. А. ПОЛЕВОЙ
О ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ***

Обозначенные в названии статьи историки — выдающиеся представители российской исторической мысли. Они явно доминируют в отечественной историографии того периода, который хронологически укладывается примерно в первые лет сорок XIX в. Этот период, собственно, и можно назвать «карамзинским»¹.

Между историками было много общего: оба они пришли к истории от писательского ремесла, оба тем не менее создали именно исторические, так сказать, синтетические произведения². На них и закончился «писательский» период нашей историографии — в следующие годы литература и история окончательно разойдутся между собой. И если в их время историческая наука еще «не имела постоянного органа для своей разработки и развивалась преимущественно благодаря любителям»³, то затем историческая наука стала университетской дисциплиной, «достоянием профессиональных ученых»⁴.

Представления этих писателей о древнерусской государственности могут нам очень многое сказать о развитии отечественной историографии в целом. Между тем, насколько мне известно, их взгляды на этот предмет исследований системно и обстоятельно еще не изучались⁵. Исключение составляют воззрения на право Киевской

* Статья подготовлена при поддержке Тематического плана НИР СПбГУ (тема № 5.0.151.2010).

¹ Дворниченко А. Ю. О периодизации и содержании курса русской историографии // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. История. 2005. Вып. 4. Октябрь. С. 32.

² «Повествование о России» Н. С. Арцыбашева, которое было создано в тот же период — это в большей степени тщательно выверенный свод источников по русской истории, чем сочинение, подобное работам Н. М. Карамзина и Н. А. Полевого.

³ Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006. С. 11 (1-е изд. М., 1897).

⁴ Там же.

⁵ Могу назвать работы, в которых так или иначе затрагивается эта проблематика: Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981; Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40-х гг. XIX века // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб., 2000. С. 251–336; Сахаров А. Н., Свердлов М. Б. Послесловие. Начальный период оте-

© А. Ю. Дворниченко, 2011

Руси, которые анализировались и в XIX и в XX столетиях⁶.

Единственный путь к пониманию их концепции древнерусской государственности — внимательно вчитаться в произведения и сделать какие-то выводы. Хотя процедура эта не столь проста, как кажется на первый взгляд, ибо художественное отображение исторической действительности делает подходы авторов знаменитых произведений несколько противоречивыми. Но тем не менее другого пути нет.

Н. М. Карамзин — певец государства Российского — замечает в истории нашей страны и догосударственный период, для которого характерно народное правление. Это было такое состояние общества, которое характеризуется «дикой, неограниченной свободой». Каждое семейство было маленькой республикой, но древние обычаи служили между ними некоторой гражданской связью. В важных случаях они сходились вместе и советовались о благе народном, уважая приговор старцев; вместе предпринимали и воинские походы и избирали вождей. Первая власть и была воинской, хотя славяне «весьма ограничивали» вождей⁷. Эта власть «означалась у Славян именами боярина, воеводы, князя, пана, Жупана, Короля». Появление этой власти способствовало превращению народного правления в аристократическое. Появились и судьи, первыми из которых были знаменитейшие герои.

История славян подобна истории всех народов, выходящих из дикого состояния. Славяне в ту пору не любили наследственной власти и зачастую, единодушно избрав «начальника», «вдруг лишали его своей доверенности, иногда без всякой вины»⁸. Была, видимо, и власть религиозная — жрецы, хотя Нестор о них не упоминает⁹.

Восточные славяне в это время находились на разных ступенях развития: лесные обитатели древляне нападали на «тихих» полян,

чественной истории в освещении Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. I. М., 1989; *Дербин Е. Н.* Институт княжеской власти на Руси IX — начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007, и некоторые другие.

⁶ *Калачов Н. В.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. СПб., 1880; *Валк С. Н.* 1) Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века // *Избранные труды по историографии и источниковедению*. С. 189–239; 2) Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40-х гг. XIX века.

⁷ *Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 12 т. Т. I. М., 1989. С. 71, 73.

⁸ Там же. С. 74.

⁹ Там же. С. 85.

которые «более их (древлян. — А. Д.) наслаждались выгодами состояния гражданского, и могли быть предметом зависти»¹⁰.

Впрочем, все это время — лишь подготовительный период к «началу российской истории», к той точке отсчета, когда славяне добровольно уничтожили свое древнее правление и потребовали государей от своих неприятелей варягов. Таким способом «рассеянные племена славянские основали Государство»¹¹, которое «самый первый век бытия своего» превосходило обширностью едва ли не все тогдашние государства европейские¹².

Рюрик после смерти Синеуса и Трувора, присоединив области их к своему княжеству, основал монархию Российскую. С ней, по-видимому, утвердилось и система феодальная, поместная или удельная, «бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы Германские»¹³. Вся земля оказалась «законной собственностью великих князей: они могли, кому хотели, раздавать города и волости. Так многие варяги получили уделы от Рюрика»¹⁴.

Здесь я сделаю остановку в чтении произведения Н. М. Карамзина и позволю себе некоторые комментарии. Тут, казалось бы все ясно. Гигантское государство, являющееся монархией и возведенное на феодальной основе¹⁵. Советские историки так и восприняли высказывания Н. М. Карамзина, с энтузиазмом постулируя идею о том, что, «хотя феодальная система и не называется таковой после ее единственного упоминания в первом томе <...> фактически именно она воспроизводится Карамзиным в описании политического строя Руси до начала XI в.»¹⁶.

Этот энтузиазм трудно поддержать, если внимательнее почитать «Историю государства Российского». Похоже, что историограф сам для себя не решил, что это за Государство и что это за феодальная (удельная) система. Через несколько страниц узнаем о том, что варя-

¹⁰ Там же. С. 52.

¹¹ Там же. С. 93.

¹² Там же. С. 163.

¹³ Там же. С. 95.

¹⁴ Там же. С. 164.

¹⁵ Именно так и будут воспринимать «империю Рюриковичей» в советской историографии большинство историков. Конечно, под «феодализмом» будут понимать уже нечто другое.

¹⁶ Сахаров А. Н., Свердлов М. Б. Послесловие. С. 392.

ги, оказывается, основали две самодержавные области в России: Рюрик на Севере, Аскольд и Дир — на Юге¹⁷. Лишь Олег захватил Киев и, в отличие от монархов образованных, которые выбирают столицу среди Государства, решил жить здесь — на границе, поскольку мыслил «ужасать соседей».

Впрочем, и в это время «обширные владения Российские еще не имели твердой связи»¹⁸. Но Игорь сохранил целостность Российской Державы, устроенной Олегом¹⁹. А Святослав вознамерился перенести столицу этого Государства на берега Дунайские. Тут кроме самолюбивых мечтаний завоевателя, действовало еще и обаяние Болгарии, которая как Государство превосходила Россию в «гражданском образовании»²⁰. Но Святослав первый ввел обыкновение давать сыновьям особенные уделы: «пример несчастный, бывший виною всех бедствий России» — так появились первые уделы. По смерти Святослава единоедержавие пресеклось, «Ярополк не имел, кажется, власти над уделами своих братьев».

Я как читатель хотел бы спросить великого историографа: позвольте, как же первые, уже ль Вы забыли о прежних уделах?! Впрочем, вскоре Ярополк отправил в Новгород своих наместников или посадников, и таким образом «сделался государем единоедержавным в России»²¹. Вскоре этим государством с помощью злодеяния и храбрых варягов овладел Владимир. Затем, не воспользовавшись опытом «междоусобий» детей Святослава, он снова возродил систему уделов.

С ней пришлось бороться уже Ярославу, который после известных перипетий, сделался «Монархом всей России» и начал властвовать от берегов моря «Бальтийского» до Азии, Венгрии и Дакии²². Но, оказывается, Ярослав ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бедствиям удельного правления — здравая политика не могла противиться действию слепой любви ро-

¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 97.

¹⁸ Там же. С. 100–101.

¹⁹ Там же. С. 118.

²⁰ Там же. С. 130.

²¹ Там же. С. 141. Это, кстати, очень важное и тонкое наблюдение Н. М. Карамзина, особенно для понимания новгородской истории. Он убедительно показывает, что, до поры до времени, посадники в Новгороде были наместниками (там же. С. 301, сн. 500).

²² Там же. Т. II–III. М., 1989, С. 19.

дательской. Конечно, он хотел, чтобы старший сын его, называясь великим князем, был главою отечества и меньших братьев, и чтобы удельные князья, оставляя право наследства детям, всегда зависели от киевского²³.

Дети Ярославовы, исполняя его завещание, разделили по себе Государство. И если ошибку Святослава исправил Владимир, а его ошибку, в свою очередь, Ярослав, то ошибку Ярослава уже было некому исправить и «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие». «Государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет», раздробилось на малые области²⁴.

«Успокоить» Государство были призваны княжеские съезды. И хотя второй съезд близ Киева «был счастливее первого»²⁵, должной роли в консолидации России съезды не сыграли. Знаменитый Владимир Мономах «утвердил свое могущество внутри Государства, но не думал переменить системы наследственных уделов», да и сам он хотел быть покровителем России и главою частных владельцев, а не государем самодержавным²⁶. И, вообще, «самодержавцами» можно считать только древних киевских князей²⁷.

«Следуя обыкновению», назначил сыновьям уделы и Юрий Долгорукий²⁸. Столь же великодушно к дальним и ближним родственникам относился и великий князь Ростислав. Правда, Андрей Юрьевич, «имея не только доброе сердце, но и разум превосходный», ясно видел причину государственных бедствий и, отменив «несчастную систему уделов» в своей Суздальской области, княжил единовластно, не давал городов ни братьям, ни сыновьям²⁹.

Интересной характеристики в этом смысле удостоился и Всеволод III Юрьевич, который, «хотя не мог назваться самодержавным государем России, однако ж, подобно Андрею Боголюбскому, напомнил ей счастливые дни Единовластия»³⁰. «Если бы Всеволод III, следуя правилу Андрея Боголюбского, отменил систему уделов в своих

²³ Там же. С. 463.

²⁴ Там же. С. 44–45.

²⁵ Там же. С. 83.

²⁶ Там же. С. 97.

²⁷ Там же. С. 363.

²⁸ Там же. С. 165.

²⁹ Там же. С. 181.

³⁰ Там же. С. 429.

областях, если бы Константин и Георгий II имели государственные добродетели отца и дяди, то они могли бы восстановить единовластие. А если бы Россия была единодержавным государством, то она не уступила бы в могуществе никакой державе сего времени; спаслась бы, как вероятно, от ига татарского, и, находясь в тесных связях с Грециею, заимствуя художества ее, просвещение, не отстала бы от иных земель Европейских в гражданском образовании»³¹.

«Государственная» терминология историка проста и не очень определена. Здесь и собственно «государство», и «удел», и «княжество». Зачастую историк употребляет понятие «область».

Итак, взгляды Н. М. Карамзина на развитие древнерусской государственности, вроде бы, ясны. Как и у древнерусских летописцев, его герои — князья. Причем, как уже установлено в историографии, историк «едва ли не впервые в отечественной историографии старался представить княжескую власть в домонгольской Руси во всем многообразии составляющих ее проблем»³². Прагматический рассказ историка следует традиции еще Степенной книги — изложение ведется по великим княжениям.

Находит в этой схеме себе место и древняя концепция переноса столицы. Андрей Боголюбский «основал новое Великое княжение Суздальское или Владимирское, и приготовил Россию северо-восточную быть, так сказать, истинным сердцем Государства нашего»³³. Можно, видимо, представлять схему историка как постоянное противоборство удельной системы с системой единовластия и сокращение последней первой. Господство удельной системы продолжалось до XV в., когда восторжествовало самодержавие³⁴. То, что в этой схеме есть неточности и противоречия, не так важно. Важнее другое: схема великого историка не столь проста. Он привнес в нее и активную роль народа.

³¹ Там же. С. 479.

³² Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси... С. 38.

³³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II–III. С. 171.

³⁴ Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси... С. 37. Но вот ясно проследить за морализаторскими и дидактическими рассуждениями Н. М. Карамзина «содержание двух основных периодов истории Руси: относительного единства древнерусского государства и феодальной раздробленности» (Свердлов М. Б. Послесловие // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II–III. С. 708) невозможно, потому что никакой феодальной раздробленности на Руси не было, да и Н. М. Карамзин о таковом феномене ничего не знал.

Уже во времена Ярополка и Владимира встречаем «добрых киевлян», которые хотя бы гипотетически могли уже призывать Владимира³⁵. Это и понятно, так как «самый народ славянский хотя и покорился князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности, и в делах важных, или в опасностях государственных, сходился на общий совет» — вече. «Сии народные собрания были древним обыкновением в городах Российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в державах строгого, неограниченного единовластия», — пишет историограф³⁶.

К этой теме Н. М. Карамзин возвращается, когда речь идет об известных событиях 1174 г. во Владимире, когда съехались ростовцы, суздальцы, переяславцы во Владимир на вече, «следуя примеру новгородцев, киевлян и других российских знаменитых граждан, которые, по словам летописцев, издревле обыкли решить дела государственные в собраниях народных, и давали законы жителям городов уездных»³⁷.

Во втором и третьем томах «Истории государства Российского» вече именно в значении народного собрания, имеющего весьма важные и значительные функции, неоднократно встречаем в Новгороде, Киеве и других городах. При этом вече может собирать и сам народ, и князь, как это было, например, во времена Ярослава в Новгороде³⁸ или Владимира Мстиславича в Киеве³⁹.

Вече может обозначаться и другим понятием — «совет». «Граждане в общем совете положили...», «определив в торжественном совете»⁴⁰.

На вече собирается народ. «Народ уже снял с себя личину, грозно вопил на вече и лил кровь бояр» в 1158 г. в Полоцке⁴¹. «Народ» может

³⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 142.

³⁶ Там же. С. 163. В сн. 495 на с. 301 историограф разъясняет, что «вече» имеет связь с глаголами «ведать», «вещать». «Увидим вече в Киеве, Новгороде, Владимире и многих других городах», — обещает Н. М. Карамзин.

³⁷ Там же. С. 374. В сн. 34 на с. 526 историк отмечает, что в подлиннике сказано «пригородов». Известное место из летописи цитируется и в сн. 219 на с. 600, где историограф пишет: «Мы уже видели множество примеров сего народного своевольства. Не говоря о славных вечах новгородских и т. д.».

³⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II-III. С. 10.

³⁹ Там же. С. 136.

⁴⁰ Там же. С. 81, 91.

⁴¹ Там же. С. 172.

иметь местную привязку, например, «народ киевский». В таком случае он может и выступать перед нами под именем «киевлян»⁴². Такие названия, обозначающие социально нерасчлененную массу городского и сельского населения, постоянно встречаются на страницах произведения великого историографа: «новгородцы», «галичане», «полочане», «черниговцы», «рязанцы», «владимирцы», «суздальцы» и т. д.

Есть еще одно понятие, которым историк обозначает эту массу населения — «граждане». Описывая события 1169 г. в Киеве, он в одном и том же смысле употребляет три понятия: «киевляне», «граждане» и «народ»⁴³. Значит, в сознании Н. М. Карамзина эти понятия были равнозначны. Гораздо реже встречаются другие определения, в частности, «жители» (смоленские, киевские и др.)⁴⁴.

Эти граждане — народ — обладают недюжинными политическими силой и активностью. Прежде всего в отношениях с княжеской властью. Они принимают и отвергают конкретных представителей Рюрикова племени. Сведениями такого рода Н. М. Карамзин, следуя за летописцами, неоднократно украшает страницы своего сочинения. В 1068 г. «народ объявил Всеслава государем своим»; князь «не был принят Смоленскими жителями»; граждане «не пустили Святополка»; «выгнали своего князя»; полочане «свергнули с престола» князя; народ «признал своим Владетелем»⁴⁵ и т. д.

В общем, «граждане столицы, пользуясь свободой веча, не редко останавливали Государя в делах важнейших: предлагали ему советы, требования; иногда решали собственную судьбу его, как вышние законодатели. Жители других городов, подведомых областному и называемых обыкновенно пригородами, не имели сего права».

Особенно здесь отличались «беспокойные», «ветреные» новгородцы, которые постоянно «выгоняли князей, но не могли жить без них»⁴⁶.

⁴² Там же. С. 188.

⁴³ Там же. С. 359.

⁴⁴ Там же. С. 71, 107, 114, 176.

⁴⁵ Там же. С. 48, 71, 77, 107, 161, 183.

⁴⁶ Там же. С. 119. Авторы историографических обзоров о новгородской истории, дружно цитируя шестой том Н. М. Карамзина, где говорится о том, что новгородцы «отличались благородными качествами от других россиян, униженных тиранством монголов», почему-то не обращают внимания на домонгольский период в трактовке историографа (Цамутали А. Н. История Великого Новгорода в освещении русской историографии XIX — начала XX в. // Новгородский исторический сборник. 1 (11). Л., 1982. С. 97; Хорошев А. С. Периодизация новго-

Впрочем, ничуть им не уступали и полочане⁴⁷, да фактически и все остальные «области». Прерогативы граждан растут, распространяясь на посадников. «Посадники, издревле знаменитые слуги князей, сделались их совместниками в могуществе, будучи с того времени (1132 г. — А.Д.) избираемы народом», — отмечает историк⁴⁸. Более того, власть народа охватывает и духовные чины. В Новгороде «избрание главного духовного сановника зависело единственно от народа»⁴⁹. Такие традиции наблюдаются и в других землях. Так, в Суздальской земле епископ Леон был изгнан народом за его корыстолюбие и грабеж⁵⁰. Епископы, «избираемые князем и народом, в случае недовольствия могли быть изгнаны»⁵¹.

Князья, как неоднократно показывает Н.М. Карамзин, в своей деятельности учитывали такую удивительную политическую мобильность народа, стремились завоевать народную любовь, довольно редко действовали наперекор народным настроениям⁵². Характерной княжеской фигурой в этом смысле был Изяслав Мстиславич. «Мужественный и деятельный, он всего более искал любви народной и для того часто пирувал с гражданами, говорил на вечеах, подобно великому Ярославу, предлагал там дела государственные...», — любитесь князем историограф⁵³.

Кстати, о пирах. Великий наш первый историк прекрасно понимал, что это отнюдь не попойки склонных пображничать древних россиян. Наоборот сие торжество, «изображая дух времени, достойно замечания в Истории»⁵⁴. Эти «народные угощения, обыкновенные в древней России, установленные в начале гражданских обществ и долго поддерживаемые благоразумием государственным, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь как

родской историографии XVIII — начала XX в. (к постановке вопроса) // Русский город. Вып. 7. М., 1984. С. 65).

⁴⁷ Там же. С. 172.

⁴⁸ Там же. С. 109–110.

⁴⁹ Там же. С. 169.

⁵⁰ Там же. С. 372.

⁵¹ Там же. С. 466.

⁵² Хотя, конечно, случалось и такое. Как зверь свирепствовал в Киеве Изяслав, стремясь наказать вечников; в Галиче Игоревичи «вздумали казнию первостепенных бояр обуздать народ» и т. д. (там же. С. 48, 427).

⁵³ Там же. С. 160.

⁵⁴ Там же. С. 92.

истинный хозяин подчивал граждан, пил и ел вместе с ними; вельможи, тиуны, воеводы, знаменитые духовные особы смешивались с бесчисленными толпами гостей всякого состояния; дух братства оживлял сердца, питая в них любовь к отечеству и венценосцам»⁵⁵. Если отбросить монархическую риторику, то чем это не описание потлача!

Граждане в древней России активно участвовали и в решении вопросов войны и мира. Народ — грозная вооруженная сила. Войну ведут именно эти «киевляне» и «черниговцы», «новгородцы» и «полочане», «ростовцы», «суздальцы» и «владимирцы» и т. д.⁵⁶ Причем они не только составляют ополчение, но могут выделить и «дружину вспомогательную»⁵⁷. Не вызывает удивления, что они постоянно направляют послов, которые часто фигурируют в тексте «Истории государства Российского». Они имеют и своих «чиновников», играющих значительную роль в управлении. Так, Андрей, который хотел смирить новгородцев, «тревожил их чиновников, которые ездили собирать подати за Онегою»⁵⁸.

В общем, перечитав историографа, я пришел к выводу, что в изображении древнерусского народоправства ему могли бы позавидовать многие историки, которые в более поздние времена старались нарисовать древнерусский волостной строй, демократическое устройство русских земель. Н. М. Карамзин, правда, не часто использует понятие «республика». Этим понятием он определяет новгородские порядки⁵⁹. «Жители области Новгородской», обосновавшись в устье речки Хлыновки, и «с удовольствием приняв к себе многих двинских жителей, составили маленькую Республику, особенную, независимую в течение двух сот семидесяти — осми лет, наблюдая обычаи Новгородские, повинуюсь сановникам, избираемым и духовенству» — вот вам и еще одна республика⁶⁰.

⁵⁵ Там же. С. 405.

⁵⁶ Правда, в специальной главе, рассуждая о войске, историк рисует уже более сложную и менее достоверную картину. Лучшей частью войска оказываются дворяне, а также «особенные ратные люди» — пасынки или отроки боярские и гриди или простые мечники, «означаемых иногда общим именем воинской дружины. Только в чрезвычайных случаях вооружались простые граждане или сельские жители» (там же. С. 407).

⁵⁷ Там же. С. 380.

⁵⁸ Там же. С. 360.

⁵⁹ Там же. С. 400.

⁶⁰ Там же. С. 373.

Однако непредвзятый читатель мог бы спросить великого историографа: «Позвольте, Сударь! А чем же эти республики принципиально отличаются от других земель, о которых Вы так ярко написали?». Однако, когда начинаешь разбираться в тех теоретических основах, которые Н.М.Карамзин подводил под древнерусское народоправство, все становится на свои места. Кстати, с новгородцами все более или менее понятно. Еще Ярослав Мудрый, «желая изъяснить новгородцам вечную благодарность за их усердие, даровал им свободу избирать себе князей из его достойнейших потомков».

Правда, еще летописец отметил, что Ярослав не мог предвидеть всех негативных последствий своего поступка⁶¹. Тем не менее новгородцы так и «судили и князей и святителей, думая, что власть мирская и духовная происходит от народа»⁶².

Подводя под новгородскую ситуацию определенную легитимность, историк-монархист все равно не может смириться с таким поведением новгородцев. Каких только эпитетов не удостоиваются эти любители свободы под пером историографа! Достается и их соседям полочанам, которые не уступали новгородцам именно в «своевольстве» и отличались крайне мятежным духом⁶³. Вообще, все эти свободолюбивые граждане вдруг оказываются мятежниками, беспокойными, строптивыми, неблагодарными и т. д.

Но, чувствуя, видимо, определенную фрустрацию, историограф пытается предложить и более рациональное объяснение открытых им в летописях явлений. Так, он рассуждает: «Разделение Государства, вообще ослабив его могущество, уменьшило и власть князей. Народ, видя их междоусобие и частое изгнание, не мог иметь к ним того священного уважения, которое необходимо для государственного блага»⁶⁴. Замечу, что народ-то и сам довольно рано начал изгонять князей!

В другом месте историограф предлагает такое объяснение: «Не имея твердых государственных законов, основанных на опыте веков, князья и подданные в нашем древнем отечестве часто действовали по внушению страстей; сила казалась справедливостию: иногда государь, могущественный усердием и мечами дружины, угнетал

⁶¹ Там же. С. 360.

⁶² Там же. С. 434.

⁶³ Там же. С. 172.

⁶⁴ Там же. С. 82.

народ; иногда народ презирал волю государя слабого. Неясность взаимных прав служила поводом к мятежам»⁶⁵.

В третьем месте находим такую трактовку. Все российское правление соединяло в себе выгоды и злоупотребления двух, один другому противных государственных уставов: самовластия и вольности. Народ, видя слабость государей, стеснял пределы их власти, ибо «самовластие государя утверждается только могуществом государства, и в малых областях редко находим монархов неограниченных»⁶⁶.

Пафос труда Н. А. Полевого был, как известно, направлен против концепции великого историографа, которому инкриминировалось то, что его произведение было историей государей, а не государства, не народа⁶⁷. Естественно то, что на острие полемики и оказалась проблема государства. Журналист и историк ополчается прежде всего против восприятия Н. М. Карамзиным начальной стадии государственности.

Он отмечает, как ошибался историограф в отношении государства, а ошибки человека с умом необыкновенным поучительны. Н. А. Полевой, собственно, воспроизводит те противоречивые суждения историографа касательно государства и древних князей, на которые я обращал внимание в начале статьи. Это позволяет ему сделать суровый, но во многом основательный вывод о том, что Н. М. Карамзин, писавший историю России, «не составил себе предварительно ясного понятия о государственном составе Древней Руси»⁶⁸.

Какое же «понятие» составил себе сам суровый критик идей Н. М. Карамзина? Он начинает историю российской государственности с варяжских «государств». Варяги «рубили небольшие деревянные городки», создавали укрепления, которые распространялись потом внутрь земли, всегда по течению рек, и мало-помалу охватывали целые области. Варяги жили в сих притонах, покоряли туземцев и основывали небольшие государства⁶⁹. Одним из таких варягов был Рюрик, который «стал богатым владельцем, укрепился дружиною, и — здесь положено было начало первого Русского

⁶⁵ Там же. С. 400.

⁶⁶ Там же. С. 466.

⁶⁷ Полевой Н. А. История русского народа: в 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 31 (1-е изд. М., 1829).

⁶⁸ Там же. С. 525–526.

⁶⁹ Там же. С. 66.

княжества»⁷⁰. Это было типично варяжское государство, вернее, несколько государств, когда владельцы каждого из городков, рассеянных на великом пространстве, признавали власть главного конунга, а покоренные туземцы были рабы, платившие ежегодно подать.

Гордым варягам пришлось столкнуться со славянами, которые не знали феодальной системы скандинавов, но имели образ правления патриархальный. Причем в затруднительных случаях властитель собирал вече или совет старейшин и избранных мужей, которые решали дело⁷¹. В сноске автор отмечает, что такие «вечи впоследствии были приняты и варягами, когда самобытность славян превозмогла скандинавские обычаи»⁷².

Варяг Олег хорошо знал выгоды, заставившие его идти на юг. Он учредил главный городок русских княжений на Днепре. Причем в этом историческом действии Н. А. Полевой усмотрел первое отделение Новгорода от непосредственной власти русских князей⁷³. Тридцать лет правления Игоревы ослабили связь между русскими владениями, усилились удельные князья, «смирившие свою скандинавскую гордость» при Олеге. Но зато оба народа уже смешались, «образовывалось если не отечество, то, по крайней мере, родина». Но если Ольга смогла укрепить связи между землями, то десять лет княжения Святослава «только разрушали союз народов»⁷⁴. Единодержавие — единственное спасительное средство образовать полудиккий народ — было недоступно Святославу.

Для понимания возникновения древнерусской государственности очень важен вопрос о том, кто такие «русы» и что такое «Русская земля». Н. М. Карамзин довольствовался указанием на то, что и варяги, и словене, и прочие — «прозвашася Русь», а «Русью» в XII–XIII вв. называлась преимущественно Киевская область⁷⁵.

Н. А. Полевой дает свое, до сих пор популярное в литературе объяснение происхождения слова «Руссы». Он считает, что внутренние области Скандинавии должны были поставлять пеших воинов,

⁷⁰ Там же. С. 84.

⁷¹ Там же. С. 90.

⁷² Там же. С. 465.

⁷³ Там же. С. 109.

⁷⁴ Там же. С. 149.

⁷⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. С. 248; Т. II–III. С. 318, 542.

а живущие по берегам моря — гребцов и воинов в лодках. Последние и именовались «руси» и «роси». Таким именем называли скандинавов и славяне.

Князь Владимир стал первым всерьез расставаться со скандинавским наследием и в результате вполне заменил варяжский феодализм азиатской монархией, сходной с основными нравами славян. На смену уделам явились области «правимые детьми одного самовластного государя»⁷⁶. Владимиром началось самобытное государство, в ряду других государств, тогда уже окружавших Русь. Он к тому же крестил Русь, что было огромным достижением.

Княжение Ярослава до удивления сходно с княжением Владимира. В ошибках же и преступлениях надо винить не Владимира, не Ярослава, а феодализм, гибельный и страшный для государей и подданных. Он во всей Европе тогдашней был причиной дележа областей наследниками⁷⁷.

Роковая ошибка думать, что Русь при Владимире и Ярославе была государство сильное, единое, просвещенное, верою, гражданственностью. Единство Руси заключалось в языке и религии, но не в политическом составе, не в правах жителей. Правление княжеств было смешением азиатского и византийского деспотизма, и скандинавского феодализма⁷⁸.

Он уличает новейших историков (имеется в виду прежде всего историограф) в том, что они впади в заблуждение и «вообразили себе какое-то пространное, сильное государство, гремевшее славою в трех известных тогда частях мира, соединенное узами родства с отдаленными государствами Запада»⁷⁹. Мысль эта представляется Н. А. Полевому совершенно неверной.

Географический обзор Руси приводит его к выводу, что в половине XI в. «жизнь русского народа сосредоточивалась около местопребывания повелителя. Такие места составляли Киев и Новгород. Чем далее от них, тем более слабела жизнь общественная», владения киевского князя и удельной системы ему принадлежавшей, замыкались в пространстве от Переяславля до Смоленска, и от Владимира-Волынского до Чернигова, а Муром, Ростов, Тмутарокань были

⁷⁶ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. С. 154.

⁷⁷ Там же. С. 179.

⁷⁸ Там же. С. 287.

⁷⁹ Там же. С. 198.

отдельными владениями, между которыми находились земли данников и независимых народов⁸⁰. Границы были совершенно неопределенны и размыты.

Эти идеи Н. А. Полевого, как и мысли историографа об огромной «империи Рюриковичей», нашли продолжение в историографии XX в. Огромное древнерусское государство считают мифом С. В. Бахрушин, Н. Л. Рубинштейн, В. А. Пархоменко, И. Я. Фроянов⁸¹.

Н. А. Полевой призывает различать области, составлявшие собственно владения руссов, и области данников, «в которых обитатели должны были вносить русским князьям известную подать, и по требованию их идти на войну, не обязываясь ни к чему более»⁸². Историк, таким образом, выявил важнейшую особенность строя древнерусских земель, которая по достоинству оценена современными исследователями Киевской Руси⁸³.

Н. А. Полевой резко противопоставляет Север и Юг Руси. На севере, в Новгороде еще во времена Ольги и Олега было положено начало республиканской форме правления⁸⁴. История Новгорода с его политической активностью народа в форме веча, выборностью власти и т. д. есть повторение истории городских общин в других землях Европы⁸⁵, это «республика северных руссов»⁸⁶.

Совершенную противоположность в политическом отношении являла из себя Южная Русь, хотя «устройство военное и гражданское было одинаково в Северной и Южной Руси». «Изменение варяжской системы в систему семейственного феодализма решительно сделалось со времен Ярослава. Но все пять княжеств по смерти Ярослава составляли один общий союз. Князь киевский, именуясь великим, был главой этого союза. Полоцкое княжество не входило в этот союз: оно было независимо». Удельные князья считались

⁸⁰ Там же. С. 202.

⁸¹ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.). СПб., 1996. С. 444-447.

⁸² Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. С. 206.

⁸³ См., напр.: Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян...

⁸⁴ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. С. 131.

⁸⁵ Там же. С. 205. Авторы современных историографических сочинений почему-то не замечают вклада Н. А. Полевого в новгородоведение: Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого; Хорошев А. С. Периодизация новгородской историографии...

⁸⁶ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. С. 213.

полными властелинами своих уделов, перед их лицом все население сливалось в одно название — рабы. Старший в роде должен быть всегда великим князем. В уделах, напротив, сын наследовал после отца⁸⁷.

Как уже было подмечено в историографии, «удельный период» позволял Н. А. Полевому одному из первых предложить своего рода органическую теорию развития, так как этот «удельный период» естественно вытекал из предшествующего норманнского феодализма, будучи одновременно одним из этапов становления единовластия⁸⁸. «Удельный период», в свою очередь, был удобен для сближения российской истории с западной историей, ибо «феодализм везде переходил в систему уделов, где только монархия могла побеждать его».

Но как наблюдательный исследователь Н. А. Полевой подметил, что время появления самого понятия удельных князей определить невозможно⁸⁹. После такой оговорки стоило бы отказаться от употребления этого понятия, тем более что домонгольская Русь его не знает, но другого понятия историки тогда, видимо, выработать не могли.

Народу здесь, в отличие от Новгорода, оставалось или терпеть князя или бунтовать. Что касается вече в Южной Руси, то подход Н. А. Полевого явно противоречив. С одной стороны, он отмечает, что под руководством тиунов «собирались вече для совещания о своих делах, впрочем, не имевшие никакой общественной власти, и долженствовавшие исполнять только повеленное им: это были нынешние наши городские Думы»⁹⁰. С другой стороны, он упрекает Н. М. Карамзина за то, что он видел «множество примеров этого народного своеволия»⁹¹. «Не множество, а несколько примеров точно есть; но слово *мятеж*, показывает, как должно смотреть на эти

⁸⁷ Н. А. Полевой задумывается о том, когда появилось слово «удельный», и обнаруживает, что его не было ни при Святославе, ни при Владимире; «словом: когда началось наименование удельных князей, определить невозможно» (там же. С. 531). Пройдет время и С. М. Соловьёв убедительно покажет, что такое слово и во все нельзя применять, когда речь идет о Киевской Руси.

⁸⁸ См. подробнее: Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. С. 137–147.

⁸⁹ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 1. С. 531.

⁹⁰ Там же. С. 216. Интересно, какие бы ассоциации родились у славного писателя, живи он в наши дни?!

⁹¹ Ранее мы видели, что в древний период Н. А. Полевой считал вече обычным явлением.

исключения <...> О новгородском вече, в самом деле, здесь нечего говорить, ибо в Новгороде было оно совсем другое»⁹².

Тем не менее в тексте «Истории русского народа» вече вне Новгородского севера появляется неоднократно, так же как, подобно произведению Н. М. Карамзина, действуют массы городского и сельского населения, именуемого по названиям главного города той или иной земли. Н. А. Полевой полагает, что «раздельные народы славянские были основанием образовавшихся потом княжеств русских», что вызывало взаимную народную ненависть разных русских областей, ненависти, основанной на различиях народов»⁹³. Историк видит и «важное неудобство для неограниченной власти князей» — непостоянство народа, который присягал одному князю, но потом присягал другому и крепко стоял уже за него⁹⁴.

Кроме небольшой дружины князя не имели постоянных войск. В случае опасности или похода жители вооружались: им раздавалось оружие, хранимое у князя и отбираемое при роспуске войска⁹⁵. Князья ежегодно собирали доходы с подданных, давали жалованье и награды своим чиновникам, иногда награждая их доходами с известных волостей.

То, что на Руси так и не возникло сильного единого государства, не делает «удельного периода» некоей тучей, налетевшей на Русь. Иначе и быть не могло. Мог ли варяг понимать благость другого правления, кроме феодального? Мог ли великий русский князь не делить областей сыновьям, чтобы задушить через то феодализм? Мог ли князь иметь наши идеи об обязанностях государя к подданным? Иначе говоря, «оживление» общественной жизни могло быть продолжено только частной, отдельной жизнью разных княжеств, и взаимной борьбой их политики, мнений и выгод⁹⁶.

Прослеживая дальше политическую историю Руси — северной и южной, Н. А. Полевой показывает, как кончилась прямая власть великого князя над новгородцами. Буйство партий сопровождало это решительное начало республиканской свободы⁹⁷.

⁹² Там же. С. 547.

⁹³ Там же. С. 527.

⁹⁴ Там же. С. 215.

⁹⁵ Там же. С. 216.

⁹⁶ Там же. С. 289–290.

⁹⁷ Там же. С. 341.

В «южной» же Руси было нанесено, по крайней мере, два удара по семейному феодализму. Первым ударом было исключение из старшинства — потомков братьев, не достигших великокняжеского престола⁹⁸. Второй удар — перенесение Мономахом, которого историк весьма недолго любит, «системы наследования в свой род».

После смерти Мономаха все созданное им упало при слабых сынах его. Великокняжеский трон сделался «игрушкой князей, дружин их, и даже народа, который не ожил, не узнал блага законной свободы, но с клеймом рабства буйствовал при каждой неудаче повелителей»⁹⁹.

Оставим на совести писателя это «клеймо рабства» — обращает на себя внимание фактическое признание роли народа, что особенно видно в прагматическом изложении этой «южнорусской» истории. Характерна и еще одна оговорка автора «Истории русского народа». В Новгороде «буйствовала вольность народная», в Галиче «вероломная аристократия поборола князей умных», а «смоляне составляли нечто среднее между Новгородом и Галичем»¹⁰⁰. Главный же вывод историка касательно «южной» Руси, где существовала федерация княжеств, — это ниспровержение уже не Великого княжества — оно пало со смертью Мономаха, — но даже самого места, где оно существовало, — Киева¹⁰¹.

Историк-романтик явно не больше прояснил суть древнерусского государства, чем историк-сентименталист. Более того, и «историей русского народа» он называет свою книгу только потому, что на Руси в то время не было такого носителя прогресса, как государственное единство, т. е. единого самодержавного государства¹⁰².

Какой вывод можно сделать из сказанного, принимая во внимание, что я смог остановиться далеко не на всех вопросах истории государственности в трудах выдающихся историков первой половины XIX в.?

В их творчестве в зародыше заложены все те проблемы, которые были в дальнейшем рассмотрены в историографии и предопределили ее развитие. Анализируя творчество историков, видишь, как

⁹⁸ Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 350.

⁹⁹ Полевой Н. А. История русского народа. Т. 2. М., 1997. С. 19.

¹⁰⁰ Там же. С. 186.

¹⁰¹ Там же. С. 205.

¹⁰² Такое своеобразное понимание истории народа в произведении Н. А. Полевого подметил П. Н. Миллюков (Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 347).

сложно переплетаются в их концепциях теоретические воззрения и внимательное, непредвзятое прочтение источников.

Н. М. Карамзин, как известно, поддерживал теорию общественного договора и естественного права, более того теоретически считал, что республика — более совершенная форма правления, чем монархия¹⁰³. Но — это теоретически, а в архетипе его сознания, так же как и у историков «осмнадцатого» столетия, полностью господствовала «совершенная монархия».

В этом смысле вполне сродни ему был Н. А. Полевой. Но в отличие от историографа он был уже знаком с новыми философскими и историческими западными концепциями и старался привязать русскую историю к западной. Это, несмотря на столь симпатичную отечественным эволюционистам всех времен, его органическую теорию, привело Н. А. Полевого к еще большим несообразностям, чем Н. М. Карамзина. Историограф, наблюдая древнерусское народоправство, иной раз забывался и даже любовался им, но потом начинал его осуждать. Н. А. Полевой, исходя из своей схемы, нарисовал яркую картину новгородского народоправства, приравняв его, правда, к западному коммунальному устройству.

Зато в «южной» Руси он постарался изобразить еще более странную «феодальную» картину. Она была настолько странной и настолько не соответствовала не только истине, но и собственным наблюдениям историка, что вполне закономерно была забыта последующей историографией.

Но зато продолжали жить многие интересные открытия Н. А. Полевого...

¹⁰³ Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М., 1976. С. 66, 148–149.